

Волевой акт как единое целое разворачивается в двух сферах: интеллектуально–эмоциональной /процесс принятия решения/ и практической /процесс реализации решения/. Развитость волевой сферы предполагает единство принятия решения и его выполнения. И нет иного способа выработки у себя сильной воли кроме постоянной ее тренировки.

Следовательно, культура нравственного сознания включает в себя интеллектуальную, эмоциональную и волевою сферы. Ее объективным показателем и критерием сформированности выступает культура нравственного поведения. Действительно, что есть человек с точки зрения морали для других людей? Не что иное, как ряд поступков. Как удачно заметил Гегель: «каков человек внешне, то есть в своих действиях ..., таков он и внутренне, а если его внешнее не тождественно с его внутренним, то одно так же бессодержательно и пусто, как и другое [см. 3, с. 234 – 236] .

Моральное поведение выступает своеобразной формой нравственной деятельности. Деятельность выражает сущность человеческой активности. Поскольку (и с этим согласно большинство учёных) нравственной деятельности в «чистом виде» не существует, то мы понимаем под нравственной деятельностью моральную сторону, аспект любой социальной деятельности. В широком смысле культура нравственного поведения охватывает всю совокупность моральных требований, предъявляемых к личности и зафиксированных в различных кодексах, нормах, положениях, правилах и заповедях. В узком смысле под культурой нравственного поведения понимают лишь внешнюю сторону поведения, объединяемую понятием “этикет”. Перспективы дальнейшего исследования проблемы.

Перспективными направлениями исследования проблемы нравственной культуры является проблема связи нравственной культуры с другими элементами культуры личности и проблема механизма формирования нравственной культуры.

Источники и литература

1. Баллер Э. А. Культура и мораль / Э. А. Баллер, С. М. Косолапов – М.: Политиздат, 1979.– 62с.
2. Вичев В. Нравственная культура руководителя / Вичев В. – Пер. с болг.– М.: Политиздат, 1988.– 158 с.
3. Гегель В. Ф. Г. Сочинения в 7-и томах. – М. – Л. : Соцэргиз, 1934/ – Т.1. – С. 234 – 236.
4. Добролюбов Н. А. Избранные философские произведения / Н. А. Добролюбов. – М.: Политиздат, 1946. – Т. 2. – С.250.
5. Каган М. С. Человеческая деятельность: Опыт системного анализа / М.С. Каган. – М.: Политиздат, 1974. – 328 с.
6. Нравственная культура личности/ И. Ф. Надольный, В. П. Андрущенко, Н. Е. Зелинский и др. – Киев: «Высшая школа», 1986. – 190 с.

Савельева М.Ю.

УДК 304.2

ПОСТСОВЕТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: РАЗМЫТЫЕ ЧЕРТЫ В МУТНОМ ЗЕРКАЛЕ «ЭПОХИ ПЕРЕМЕН»

Целью данной публикации является рассмотрение феномена постсоветской интеллигенции. До недавнего времени в научном мире «постсоветского пространства» продолжали использовать известное определение понятия «интеллигенция», официально утверждённое в советской идеологической традиции ещё в начале 60-х гг. XX века: «Интеллигенция (от лат. *Intelligens* – умный, понимающий; знающий; знаток, специалист) – общественная прослойка, в которую входят лица, профессионально занимающиеся умственным трудом» [1, с. 285]. Определение подкреплялось соответствующей цитатой из произведений В. И. Ленина, включавшего в понятие интеллигенции «всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда (*brain worker*, как говорят англичане) в отличие от представителей физического труда» [2, с. 309]. Вождь мирового пролетариата, в свою очередь, заимствовал это определение у русского писателя 70-х гг. XIX века П. Боборыкина¹.

Всё это вроде бы общеизвестные вещи; тем не менее, стоит вернуться к их осмыслению, чтобы ещё раз по достоинству оценить отдельные преимущества и недостатки этого определения. Мне оно всегда казалось слишком понятным, прозрачным, чтобы безоговорочно приниматься и действительно пониматься. Помню устойчивую «гастрономическую» ассоциацию, которую вызывало у меня словечко «прослойка»², и вовсе не своей чувственно-образной формой, а тем, что явно препятствовало пониманию, отвлекало, уводило в какую-то совершенно иную область.

Вероятно, действительная проблема состоит не в том, чтобы определить феномен интеллигенции, очертив какой-то круг её предметных признаков. Это ведь бесконечный процесс, отягощённый бесконечным пояснением выбора тех или иных признаков как «достойных», адекватных. Субъективный процесс. Кроме

¹ Автор статьи об интеллигенции в «старой» Философской энциклопедии настаивал на том, что Боборыкин был первым в России, употребившим этот термин. Однако М. Л. Гаспаров приводил целый ряд ссылок, начиная с работ Тредиаковского, в которых этот термин рассматривался (См.: Гаспаров М. Л. Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // Российская интеллигенция: история и судьба. – М.: Наука, 1999).

² Более взвешенное выражение «социальный слой», появившееся в литературе 70-80-х гг., не слишком спасало положение.

того, это лишь средство для решения каких-то всеобщих задач. Поэтому, прежде чем определять, нужно понять, какова цель этой операции, для чего это потребуется в дальнейшем. Так, смысл, который вкладывали в понятие интеллигенции П. Боборыкин, В. Даль, И. Тургенев и др., отвечал цели доказать «маргинальность», как сказали бы сейчас, общественного статуса людей умственного труда, составляющую объективное основание исключительности (разумеется, позитивной) большинства их личностных признаков. Так сказать, показать лицо «совести общества». И вряд ли такой подход можно всецело считать идеализацией, ведь совесть не обязательно бывает кристально чистой. Скорее, она – безжалостное зеркало, отражающее очень разные состояния общественного духа.

Ленинское определение, при всём словесном сходстве с буржуазно-демократическим, преследовало уже другую цель: обосновать место интеллигенции в социальной иерархии, провести критерий отличия представителей классов от представителей других (читай: неполноценных и нуждающихся в направляющей функции руководящего класса) социальных групп. В этом смысле советское определение интеллигенции как «прослойки» вполне отвечает своей задаче, но не может восприниматься как безальтернативное, поскольку отражает лишь те свойственные интеллигенции признаки и функции, которые видят в ней представители правящего класса. Иными словами, его можно, конечно, использовать и сегодня, но лишь для решения локальных задач. Например, для выяснения численности людей, не имеющих прямого отношения к материальным средствам производства. Но, безусловно, этим сущность интеллигенции не исчерпывается. Уже не исчерпывается.

То, что понятие «интеллигенция» уже давно требует основательного пересмотра и уточнения, ни у кого не вызывает сомнения. В то же время, мало кто обращает внимание, что такому пересмотру мешают традиционалистические «рудименты»: каждая новая попытка согласовать содержание понятия со спецификой сегодняшнего дня искажает его сущность скрытым желанием непременно отыскать в нём положительное, обосновать преимущества этого феномена перед другими. Последние в данном контексте – ни что иное, как воплощённые в представителях соответствующей социальной группы признаки социального идеала. То есть если ты не «совесть нации», то и говорить не о чем. Если не сопровождают твою жизнь поиски интеллектуального совершенства – никакой ты не интеллигент. Если нет фундаментальных основ образования – это уже «образованщина» (А. Солженицын), не имеющая к интеллигенции никакого отношения. И не важно, что при этом результаты личных усилий могут быть нулевыми; при умелой интерпретации это даже может представляться как заслуга. Кажется, Григорий Померанц умудрился увидеть образцовое воплощение интеллигента... в Гамлете! «Трагедия человека, который не решился» была представлена как решительный и тяжкий процесс борьбы за сохранение личной «позиции недеяния». Так сказать, бескомпромиссная борьба за компромисс; лучше жалеть о том, что не сделал, чем о том, что сделал.

Такое представление для многих давно является хрестоматийным. При этом довольно трудно уяснить, что же такого привлекательного в социальной функции, всё содержание которой сводится к преумножению несбыточного. Хотя, возможно, именно это представление, в силу своей парадоксальности, следует рассматривать как наиболее объективное, как неосознанный протест против навязывания интеллигенции мессианской, активной и безошибочной роли в обществе. «Становление интеллигента невозможно без поисков лично ему нужных» [3], – это суждение заслуживает того, чтобы серьёзно над ним задуматься. В нём отражено известное методологическое представление об исторической природе логического. Иными словами, не понятие ищет себе достойное воплощение, а люди, выполняющие определённые функции, формируют соответствующее понятие. Представители интеллигенции формируют его осознанно, даже «слишком» осознанно. Но при этом не могут соединить осознание и действие. В продолжение сказанного уместно вспомнить высказывание А. Ф. Лосева, который, помимо «идеализаторской» функции, смог разглядеть в интеллигенции ещё одну важную и не до конца осмысленную и понятую функцию – необходимость стихийного отношения к событиям в некоторых случаях: «...интеллигент тот, кто блюдет интересы общечеловеческого благоденствия. Интеллигент живет и работает в настоящее время так, как в будущем станет жить и работать человек в условиях общечеловеческого благоденствия. И при этом вовсе не обязательно, чтобы интеллигент осознавал это в подробностях и чтобы вообще это осознавал. В этом смысле интеллигентность почти всегда бессознательна. Наоборот, чересчур большая сознательность в этом деле может только помешать интеллигентности как живому процессу жизни. В такой интеллигентности есть своя глубина; но совершенно не обязательно, чтобы интеллигент это понимал. И в такой интеллигентности есть своя красота; но плох тот интеллигент, который понимает это слишком точно; и еще хуже тот, кто это свое понимание выражает для других напоказ. Лучше будет сказать, что интеллигент не мыслит свою интеллигентность, но дышит ею, как воздухом. Ведь дышать воздухом не значит же понимать воздух только химически, а дыхание – только физиологически. Идеология интеллигентности возникает сама собой и неизвестно откуда; и преследует она цели общечеловеческого благоденствия, не имея об этом никакого понятия. Подлинная идеология подлинной интеллигентности наивна» [4].

Неистребимая тяга к желанию идеализировать интеллигенцию вполне понятна и исторически объяснима. Мало кто обращает внимание на то, что «проблема интеллигенции» – одна из немногих, имеющих всеобщий характер, но сугубо национальную историю исследования. Это «русская» (даже не «российская») проблема, в американско-европейской общественной мысли самостоятельно почти совсем не представленная, за исключением социологии, когда нужно выявить тенденции исторической трансформации сферы духовного производства, и истории русской философии, где интеллигенция – объект пристального отчуждённого исследования. Разумеется, в этих случаях представление об интеллигенции лишено специфического пиете-

та в отношении к себе, до сих пор свойственного русскому менталитету и менталитетам, продолжающим находиться под его влиянием³.

«Проблема интеллигенции» изначально состояла в сохранении личной чести (и в известном смысле духовной «чистоты») при интенсивном участии в общественной жизни, точнее, в её переделывании. Иными словами, мыслящему человеку хотелось понять, как изменить мир и себя в соответствии с господствующими представлениями о совершенстве, в силу собственной греховности не разрушая и не калеча в себе «образ Божий»? Известные исторические обстоятельства конца XVII в. рано или поздно должны были поставить эту проблему именно перед российскими людьми, поскольку России предстояло взвесить и усвоить ценность западноевропейской культуры с позиции собственной пользы⁴. Полтора века ушло на то, чтобы подданные научились осознавать себя «гражданами» и ценить себя в этом качестве. И, наконец, в николаевскую эпоху вопрос о мере абсолютного в индивидуальной деятельности и основаниях этой меры был сформулирован⁵.

Однако всякое присутствие абсолютного в относительном делает это относительное негативным для предметного восприятия. Поэтому сегодня и говорят о маргинальности интеллигента в классическом понимании. При этом вовсе не имеют в виду его социальную пассивность. История неоднократно подтверждала обратное. Это маргинальность иного рода, проявляющаяся в объективной невозможности «примкнуть», стать «одним из», «быть похожим на». Будучи постоянно «в людях», представители классической интеллигенции никогда не отождествляли себя ни с одной из существующих социальных групп. Если представители классов вполне совпадали со своими общественными функциями, представители интеллигенции, напротив, воспринимали свои функции так же отчуждённо, как и функции других социальных групп. Несколько десятилетий назад А. Ф. Лосев высказался на сей счёт иначе, но не менее точно, применив в отношении интеллигенции свой излюбленный приём «диалектического апофатизма»: «Интеллигентность не есть ни большое накопление знаний, ни владение какой-нибудь профессиональной специализацией, ни участие в общекультурном прогрессе, ни просто моральное поведение или художественная способность, ни просто какое-нибудь общественно-историческое происхождение, ни та или иная только общественная принадлежность, ни просто некоторая общественно-политическая прослойка. Все эти качества и особенности либо являются выражением интеллигентности, но не самой интеллигентностью, либо нейтральны к интеллигентности, либо даже враждебны к ней» [5; 6,9].

Таким образом, интеллигенция – не явление, устойчивое и постоянное, а состояние пути, движения, изменения, символически проявляющихся в другом. Историческим и логическим основанием для этого апофатического движения стал выход духовной культуры за стены монастырей и скитов в мир во второй половине XVII в. Тогда встал вопрос о её выживании в традиционном виде и мере мирской трансформации. Тогда же возникло представление об особой миссии мирских представителей духовной культуры: им поневоле пришлось выполнять функции преемников представителей Церкви, которая потеряла свою верховенствующую по отношению к государству роль, и потому неких отчуждённых (читай: объективных) посредников между народом и властью.

Посему нет ничего катастрофического, если понятие «интеллигенция» время от времени открывает разные стороны своей сущности. Хотя нет ничего труднее, чем принимать новое. В 50–60-х гг. прошлого столетия в странах Западной Европы и Америки заговорили о появлении новой социальной группы – демократической интеллигенции. Культурологи вынуждены были признать это как свершившийся факт с некоторой досадой и частичной обречённостью [7, с. 259]. Очевидно, потому что увидели в этой перемене угрозу распространения идей тоталитаризма с Востока (что, в общем, было не так уж бесосновательно, учитывая появление в Европе «новых левых»). Сегодня, с высоты своих лет, мы уже можем сказать, что же означал этот процесс. Во-первых, изменение сущности интеллигенции и превращение её из национального в международный и межкультурный феномен. Во-вторых, утрату интеллигенцией своих традиционных функций при том, что исторически эти функции вовсе не исчерпали себя. С опозданием в полвека государ-

³ Проходившая в Неаполе в 1997 г. Международная конференция «Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология» уже своим названием продемонстрировала различие в отношении к феномену интеллигенции (См.: Россия/Russia. Новая серия под. Ред. Н. Г. Охотина. – Вып. 2 [10]: Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология / Сост. Б. А. Успенский. – М.: О.Г.И., 1999. – 152 с.)

⁴ Б. А. Успенский настаивает на более ранних опытах соотнесения русского культурного самосознания с другими культурами, в частности, Древняя Русь соотносила себя с Варяжскими княжествами, Византией, и Монгольской Ордой (См.: Успенский Б. А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Россия/Russia. Новая серия под. Ред. Н. Г. Охотина. – Вып. 2 [10]: Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология / Сост. Б. А. Успенский. – М.: О.Г.И., 1999. – С. 7–9).

⁵ При всей спорности утверждения, нельзя не принять во внимание то обстоятельство, что в то же время западноевропейская и американская культуры не представляли в таком развитом виде опыт интеллигентного отношения к миру. Несмотря на то, что, к примеру, Бальзак или Ницше очень хотелось бы представлять интеллигентами, некоторые личностные черты, делавшие их в повседневной жизни чудовищами, не позволяют с лёгкостью признать их таковыми. Есть нечто неуловимое, препятствующее использовать это понятие за пределами российской культуры. Возможно, это обусловлено не тем, что великим персонам чего-то недоставало, а отсутствием общественной нужды в такого рода людях. Это делает отчасти понятным то обстоятельство, почему российская дореволюционная философия не была интересна за рубежом. Все её представители так или иначе обращались к проблеме интеллигенции, понятной и неактуальной за пределами России. В то же время в Европе с удовольствием читали Достоевского, Л. Толстого и Чехова, которые не ставили эту проблему как общественную норму.

ства «постсоветского пространства» переживают процесс трансформации интеллигенции, и зачастую также не могут выработать адекватного к нему отношения. Не пускает старый штамп: трудно смириться с мыслью, что бывает интеллигенция «рабочая», «аристократическая», «либеральная», «буржуазная» и даже «гнилая» и т. п. В таком случае кажется, что она перестаёт быть «совестью общества», становясь идеологическим звеном обслуживания потребностей своих классов. Но возможно, одно вовсе не исключает другое, если пересмотреть отношение к традиционному критерию интеллигенции – её отношению к средствам производства?

В небольшой, но, как сказали бы раньше, «программной» статье «Интеллигенция в современном обществе», написанной в 1967/68 гг., [8 с. 283–290]. М. Мамардашвили предположил, что критерий выделения интеллигенции среди других социальных групп изменился под воздействием изменения структуры и направленности общественного производства. По сути, автор весьма своевременно заметил происходившие за рубежом перемены (поскольку в это время ему самому посчастливилось там находиться в качестве редактора журнала «Проблемы мира и социализма») и попытался рассмотреть этот опыт в отношении возможно-го будущего своей страны. Думаю, тогда его мнения просто не поняли или не заметили.

Между тем, мнение очень очень дальновидное и как нельзя более современное. «Производственный» критерий определения интеллигенции достаточно объективен, поскольку порождён историческими обстоятельствами. Но это обстоятельства рождения и развития капитализма. Причём, классического капитализма. Середина XX века – момент рождения так называемого «постмодернизма», который в контексте данных рассуждений можно трактовать как признак рождения неклассического капитализма вследствие «сознательной капитуляции капитализма перед социализмом». Проще говоря, что нельзя победить, то нужно возглавить; увеличение доли общественной собственности в сфере частного капитала и увеличение доли рынка в сфере общественной собственности принесли ожидаемые положительные результаты и породили популярные мифы о «рыночном социализме» Китая и «скандинавском», «сингапурском» и прочих типах социализма. Это, конечно, не всеобщая норма, но серьёзный показатель изменения структуры и роли классов и социальных слоёв, им сопутствующих.

Ссылаясь на А. Грамши, Мамардашвили предположил, что ныне критерий интеллигенции состоит в характере труда, а не отношении к средствам производства. Иными словами, нет больше единого маргинального «центра», в который со всех классов стекаются их «лучшие» представители с целью проявить себя на интеллектуальном поприще. Теперь потомственная интеллигенция – далеко не единственная и не самая многочисленная. Появилась классовая интеллигенция, не выходящая за пределы отдельных классов и вырабатывающая для них идеологические установки. С позиции традиционной интеллигенции качество образования и эрудиции у новоявленных представителей интеллигенции оставляет желать лучшего. Это то, что Д. С. Лихачёв называл «полуинтеллигенцией». Тем не менее, это реальность, у которой есть смысл.

Мамардашвили лишь предложил новые критерии для новых условий деятельности интеллигенции. Сегодня эта классовая интеллигенция уже выросла на «постсоветском пространстве» и сосуществует рядом с представителями традиционной интеллигенции. По сути, она догнала, а в чём-то и перегнала по уровню развития западную интеллигенцию. Остаётся теперь понять её функции по отношению к взрастившим её классам. Здесь есть определённые трудности. Функции классической межклассовой интеллигенции обосновывались представлениями о всеобщем характере идеологии. Вырабатывая идеологический опыт, представители интеллигенции, опираясь на силу класса, который они считали на тот момент наиболее прогрессивным, в то же время старались представить миссию этого класса как преодолевающую самоё себя в некую всеобщность или даже абсолютность. Ныне же всё иначе. Классовая идеология ныне такова, что не претендует на выход во всеобщность, а старается как можно убедительнее обосновать адекватность данного класса самому себе. Этим обоснованием и занимается интеллигенция внутри класса – формирует политику отказа от принципа «борьбы классов» и заменяет его принципом их «мирного сосуществования». И это не может не вызывать определённого уважения, хотя за такое «миротворчество» интеллигенции приходится расплачиваться собственной безликостью и потерей индивидуальности. Для укрепления позиций своего класса в структуре общества ей приходится вживаться в него, вбирать в себя его признаки, «обслуживать» его. Интеллигенция буквально сужает своё существование до сферы услуг, но тем самым повышает собственную востребованность внутри класса, демонстрируя, как никогда ранее, свою практичность.

Таким образом, если классическая интеллигенция рубежа XIX–XX вв. с необходимостью составляла оппозицию и существующей власти, и стихийным народным убеждениям, то ныне она всеми силами старается приблизиться к обоим социальным полюсам. По отношению к власти она старается играть роль «советника», по отношению к народу – роль управленца.

За эти перемены современная интеллигенция расплачивается внутренней разобщённостью и взаимным непониманием. Отдельные её группы гораздо теснее связаны со своими классами, нежели между собой. В общем, эту особенность вряд ли можно рассматривать как угрожающую, побуждающую интеллигенцию к вырождению. Скорее, это естественная реакция на перемены в собственном социальном статусе и функциях. Но одно можно признать безоговорочно и однозначно: современная интеллигенция, пребывающая в пространстве разобщённого духа, раздробленной духовности, всё меньше и меньше производит впечатление бесстрастного судьи общественного развития. Скорее, она восстановилась в статусе «колёсика и винтика» (В. И. Ленин), только не материального, а духовного производства, и чувствует себя в этом качестве вполне удовлетворительно.

Вывод. Объективные обстоятельства, которые однажды привели к формированию маргинальной сферы, куда притекали наиболее образованные, эрудированные и широко мыслящие члены общества, ныне столь же необходимо сужаются и дробятся, производя на свет узких специалистов, хорошо знающих лишь

состояние «окружающей их среды». Можно, конечно, сетовать, что нынешняя интеллигенция – лишь жалкое подобие великой русской интеллигенции XIX–начала XX века. Но это миф – то есть и правда, и вымысел. Нынешнее состояние интеллигенции – следствие исторической необходимости, закономерный результат общественного развития, с которым бесполезно воевать.

Источники и литература

1. Философская энциклопедия: В 5 т. – Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1962.
2. Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад // Ленин В. И. ПСС. – 5 изд. – Т. 8.
3. Померанц Г. С. Лекция «Интеллигенция, интеллигенты и интеллигентность» // http://www.igrunov.ru/cat/vchk-cat-names/pomerants/publ/vchk-cat-names-pomer-publ-lect_intell.html
4. Лосев А. Ф. Об интеллигентности // <http://credo-new.narod.ru/current/html/5.htm>
5. Лосев А. Ф. Об интеллигентности // <http://credo-new.narod.ru/current/html/5.htm>
6. Успенский Б. А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Россия/Russia. Новая серия под. Ред. Н. Г. Охотина. – Вып. 2 [10]: Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология.
7. Коттрелл Дж. Лоренс Оливье. – М.: Радуга, 1985.
8. Мамардашвили М. К. Интеллигенция в современном обществе // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. – 2 изд. – М.: Прогресс, 1992.

Филимонов С.Б.

УДК 316.77: 130

КРЫМСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ – ЦЕННЫЙ МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Целью настоящей публикации является освещение крымской периодической печати времен гражданской войны в контексте истории крымской интеллигенции.

В Крыму в период Гражданской войны, по воспоминаниям Георгия Владимировича Вернадского (1887 – 1973), выдающегося русского историка, в 1918 – 1920 годах – профессора Таврического университета, ушедшего в ноябре 1920 года с армией Врангеля из Севастополя в Константинополь и потому напрочь вычеркнутого из советской историографии, «был расцвет умственной и религиозной жизни» [1, с. 33].

Это утверждение сына позволяет в определенной степени конкретизировать статью оставшегося на Родине отца, академика Владимира Ивановича Вернадского (1863 – 1945), бывшего в 1920 – 1921 годах профессором и ректором Таврического университета. Статья эта, озаглавленная «О научной работе в Крыму в 1917 – 1921 годах», была написана по горячим следам (она напечатана в петроградском журнале «Наука и ее работники» в 1921 году), основана как на документах, так и на личных впечатлениях ученого, и содержит наиболее полный (но, как выясняется, отнюдь не исчерпывающий) перечень научных учреждений и организаций Крыма времен Гражданской войны [2, с. 216–223].

Из указанных публикаций отца и сына Вернадских, уточняемых и дополняемых по другим источникам (о них см. ниже) следует, что в Крыму в 1917 – 1920 годах, наряду с многочисленными научными и культурными центрами, существовавшими еще с дореволюционной поры (среди которых были и такие знаменитые, как Таврическая ученая архивная комиссия (ТУАК) [3] и Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы), возникли и энергично заработали новые. А именно: в столице Крыма Симферополе – Таврическая научная ассоциация (образованная не весной, как ошибочно утверждал в указанной статье В.И.Вернадский, а летом 1917 года [4, с. 9], она объединила все научные учреждения и общества Крыма и провела в июле 1917 – ноябре 1920 года семь научных съездов), Таврический университет (торжественно открыт 1 (14) октября 1918 года; при университете работали научные общества: Математическое, Педагогическое, Хирургическое, Общество изучения музыки, Общество философии, истории и социологии), Народный университет, Центральный архив, Крымское библиотечное общество, Общество распространения коммерческого и экономического образования, Религиозно-философское общество, Украинское культурно-просветительное общество «Кримська Освіта», Юридическое общество; в Алуште – Крымский государственный природный заповедник; в Бахчисарае – Ханский дворец-музей татарской культуры; в Евпатории – Общество для изучения Евпаторийского уезда; в Керчи – Боспорский университет; в Севастополе – Юридический институт, Крымская филармония, Народный политехнический институт, Религиозно-философское общество; в Феодосии – Народный университет, Литературно-артистический кружок; в Ялте – Народный университет, Народная консерватория, Библиотечное общество, Дом-музей А.П.Чехова, Литературно-общество им. А.П.Чехова, Медицинское общество, Религиозно-философское общество, Художественно-артистический кружок, Художественное общество Южного берега Крыма, Художественный музей, Юридическое общество им. Н.А.Приселкова, Ялтинская киностудия.

К сожалению, источниковая база истории перечисленных научных и культурных центров очень узка: архивов большинства из них обнаружить не удалось (вероятнее всего, они погибли), свои печатные органы имели лишь некоторые учреждения и организации, но только лишь «Известия» ТУАК и «Известия Таври-